

Артур Шницлер

**ФРАУ БЕАТА
И ЕЁ СЫН**

Аннотация

Новелла написана в 1913 году. Ее автор — крупный представитель венского импрессионизма. Проза и драматургия Шницлера приобрели широкую известность, были не раз экранизированы. В России его пьесы ставили В. Мейерхольд и А. Таиров. Шницлер в числе первых в немецкой словесности обратился к «внутреннему монологу», психологическому анализу. В его сочинениях всегда есть эпизод смерти какого-то персонажа и интерес к впечатлениям человека от реальности. Культ смерти взят из атмосферы эпохи, как часть мироощущения декаданса. Он прорвался даже в самые светлые книги писателя. Весной 1933 года в Германии массово жгли книги выдающихся отечественных писателей и авторов из Англии, Франции, США и других стран. В костер попали и сочинения Шницлера. Его творчество стало зеркалом венского общества первых трех десятилетий XX века. Почти все произведения писателя были переведены на русский язык.

Перу Шницлера принадлежат и такие произведения: «Предсказание», «Новая песня», «Чужая», «Прощальное письмо Андрея Тамейера».

Артур Шницлер

Фрау Беата и её сын

I

Ей послышался шум в соседней комнате. Она подняла глаза от начатого ею письма, подошла тихими шагами к приотворенной двери и заглянула через щель в комнату, где при закрытых ставнях сын ее, казалось, спокойно спал на диване. Потом только она приблизилась к нему и увидела, как грудь Гуго подымалась и опускалась от его ровного и сильного юношеского дыхания. Гуго лежал совершенно одетый, только воротник рубашки, мягкий, слегка смятый, был отстегнут у шеи; он даже не снял подбитых гвоздями сапог, в которых ходил в деревне. Очевидно, ему стало очень жарко и он прилег на короткое время, с тем чтобы, встав, снова приняться за учение, — это видно было по раскрытым книгам и тетрадям. Он повернул голову набок, точно уже пробуждаясь ото сна, но только потянулся несколько раз и продолжал спать. Глаза матери, освоившись с полумраком комнаты, не могли не заметить, что поражавшая ее уже несколько раз за последние дни странная болезненная складка у губ семнадцатилетнего юноши не разгладилась и теперь, когда он спал. Беата со вздохом покачала головой, вернулась к себе в комнату, тихо закрыла за собою дверь и опустила глаза на письмо; продолжать его. У нее теперь не было охоты. Ведь со своим поверенным Тейхманом, которому это письмо предназначалось, она не могла говорить без стеснения; она и так раскаивалась уже в том, что слишком любезно улыбнулась ему на прощание из окна вагона. Как раз теперь, в эти летние недели в деревне, она особенно живо вспоминала о своем муже, умершем за пять лет до того; любовь адвоката, в которой он еще не признался, по неминуюемо должен был признаться, встречала поэтому в душе ее такой же отпор, как всякие мысли о собственном будущем. И ей казалось, что менее всего она могла бы говорить о своей тревоге за Гуго человеку, который увидел бы в ее словах не столько доказательство доверия, сколько знак поощрения. Она разорвала поэтому начатое письмо и подошла в нерешительности к окну.

Очертания гор за озером расплывались дрожащими воздушными кругами; снизу, с поверхности озера, сверкало перед Беатой тысячекратно раздробленное отражение солнца, и она быстро перевела ослепленный взгляд через узкий прибрежный луг, запыленную большую дорогу, сверкающие крыши вилл и неподвижно колосившееся поле на зелень своего сада. Ее взгляд остановился на белой скамейке под окном. Она вспомнила, как часто ее муж сидел на этой скамейке, обдумывая роль или отдаваясь дремоте, в особенности когда воздух покоился вокруг с такой же летней истомой, как теперь. Как часто тогда она высовывалась из окна, нежно касалась черных с проседью волос и теребила их. Фердинанд тотчас же просыпался, попритворялся сначала спящим, чтобы продлить ласку, потом оборачивался наконец к ней и глядел своими детскими веселыми глазами, которые, однако, в далекие теперь, незабвенно сказочные вечера умели принимать такое геройское или такое печальное выражение. Но об этом она не хотела, не должна была вспоминать — или, во всяком случае, не с такими вздохами, какие теперь невольно вырывались у нее. Сам Фердинанд — в те минувшие дни он даже требовал от нее клятвенного обещания — желал, чтобы память о нем освящена была радостью, даже безмятежным новым счастьем. И Беата подумала: как страшно, что в расцвете счастья так легко и шутливо говорят о самом страшном, как будто оно может наступить лишь для других, но не для себя. А потом несчастье приходит; оно непостижимо, и все же его выносишь, и время продолжает идти, а человек продолжает жить. Спишь на том же ложе, которое делила с любимым, пьешь из того же стакана, которого он касался губами, срываешь в тени тех же сосен землянику, которую собирали вдвоем и которую он никогда более не будет собирать, — и не можешь понять, как это возможно.

На этой скамейке под окном она иногда сидела с Фердинандом в то время как мальчик бегал по саду с мячиком или обручем. И хотя умом она знала, что Гуго, который спит теперь на диване в соседней комнате, с такой болезненно-напряженной складкой у рта, — тот же ребенок, бегавший по саду много лет тому назад, но чувством она этого не воспринимала; точно так же она не могла постичь, что Фердинанд действительно умер, что он более мертв, чем Гамлет, чем Сирано, чем царственный Ричард, под маской которых он так часто умирал на ее глазах. И потому еще, может быть, смерть его оставалась непостижимой, что между такой цветущей жизнью и такой мрачной смертью не прошло недель страданий и страха. Он собрался однажды на гастроли, здоровый и веселый, а час спустя его принесли мертвого с вокзала, где с ним случился удар.

В то время как Беата была погружена в эти воспоминания, ей казалось, что нечто призрачно мучительное и вместе с тем требующее разрешения происходило в ее душе. После некоторого размышления она поняла, что ей не дает покоя последняя фраза ее неоконченного письма, в которой она собиралась рассказать про Гуго. И она почувствовала, что должна додумать до конца заключающуюся в этой фразе мысль. Ей было ясно, что в душе Гуго подготовлялось или свершалось нечто, чего она давно ждала, но что, в сущности, никогда не считала возможным. В прежние годы, когда он был еще ребенком, она часто мечтала, что будет для него не только матерью, но и другом, которому он будет все доверять. И еще до последнего времени он приходил к ней каяться не только в своих школьных проступках, но и в своих первых детских

увлечениях, и она по-прежнему воображала, что это редкое материнское счастье станет ее уделом. Ведь прочел же он ей трогательные детские стихи, написанные им маленькой Эльзе Вебер, сестре его школьного товарища, о которых та даже не узнала. А прошлой зимой, не признался ли он матери в том, что одна маленькая барышня, имя которой он рыцарски скрыл, вальсируя с ним во время урока танцев, поцеловала его в щеку? И еще минувшей весной он пришел к ней расстроенный и рассказал, что два мальчика из его класса провели вечер в Пратере в очень сомнительной компании и хвастали тем, что вернулись домой в три часа ночи. Беата поэтому надеялась, что Гуго будет поверять ей и свои более серьезные чувства и переживания и что она сможет уберечь его своими советами от многих печалей и опасностей юношеских лет. Но теперь оказалось, что все это были только мечты избалованного материнского сердца. Когда пришло первое сердечное испытание, Гуго сделался замкнутым и чужим, и мать чувствовала себя испуганной и совершенно беспомощной перед такой неожиданной переменой в сыне.

Она вздрогнула. При первом ветерке предвечернего часа, точно насмешливо подтверждая основательность ее тревог, внизу, на крыше светлой виллы у озера, стал развеваться ненавистный ей белый флаг. Он взвился вверх своими дерзкими фестонами, как назойливо манящий призыв потерянной женщины, обращенный к мальчику, которого она хотела погубить. Беата невольно подняла руку, точно угрожая кому-то. Затем она быстро отошла от окна и прошла в глубь комнаты: она почувствовала непреодолимое желание взглянуть на сына и откровенно поговорить с ним. Она приложила ухо к его двери, боясь нарушить его живительный сон; ей показалось, что, как и прежде, она слышит его ровное и сильное юношеское дыхание. Она осторожно открыла дверь с намерением подождать, когда он проснется, и затем, сидя рядом с ним на диване, с материнской нежностью расспросить его о его тайне. Но она с ужасом увидела, что в комнате никого нет. Гуго ушел, не попрощавшись с матерью, не дождавшись привычного материнского поцелуя в лоб. Очевидно, он боялся вопроса, неминуемость которого чувствовал уже несколько дней; теперь она твердо знала, что непременно обратилась бы к нему с этим вопросом сегодня, сейчас, в эти четверть часа. Так вот до чего он отдалился от нее, замкнувшись в своей тоске, в своих влечениях. И это сделало рукопожатие женщины, с которой неосторожная мать сама познакомила его на пристани. Это сделал взгляд той женщины, с приветливой улыбкой взглянувшей на него вчера с галереи купальни, когда его ослепительное юношеское тело вынырнуло из волн. Правда, ему уже минуло семнадцать лет — и мать его никогда и не мечтала о том, что он сохранит себя для той единственной, которая предназначена ему от века и которую он встретит, юную и чистую, как он сам. Одного только она молила для него: чтобы он проснулся от первого угара страсти без чувства отвращения и чтобы его душистая юность не стала жертвой женщины, достигшей почти забытой теперь сценической славы своим прославленным распутством. При этом ее образ жизни и ее репутация не изменились и когда она довольно поздно вышла замуж.

Беата, сидя на диване Гуго в его полутемной комнате, закрыла глаза, оперлась головой на руки и задумалась... Где мог быть Гуго? Неужели у баронессы? Этого Беата не допускала. Не могло же все так быстро свершиться. Но оставалась ли еще возможность уберечь любимого мальчика от печального увлечения? Она со страхом думала, что возможности этой уже не было. Она ведь знала: Гуго унаследовал от своего отца не только черты лица, по и его кровь, бурную кровь людей того мира, где не признают никаких законов, людей, горящих уже в детстве мрачными страстями взрослых и сохраняющих в зрелые годы отражение детских снов в глазах... Но разве одна только кровь отца Гуго была такой? Разве ее кровь медленно текла в жилах? Уж не кажется ли ей это теперь только потому, что со времени смерти мужа у нее не было никаких искушений? Но хотя она никогда не принадлежала другому, все же ее давнишнее признание мужу было правдой: он потому был единственным в ее жизни, что глубокой ночью, когда его лицо было в тени, он представлялся ей всегда другим, новым, и в его объятиях она чувствовала себя возлюбленной и царственного Ричарда, и Сирано, и Гамлета, и всех других, кого он играл. Она чувствовала себя возлюбленной героев и злодеев, святых и нечестивцев, прозрачно ясных и загадочных людей. Не потому ли она еще молоденькой девушкой захотела быть женой прославленного актера. Брак с ним был для нее единственной возможностью оставаться честной женщиной, как этого требовало от нее ее буржуазное воспитание и прирожденная чистота, и вместе с тем жить той полной приключений жизнью, к которой ее тайно влекло. И она вспомнила, как сумела отвоевать себе Фердинанда в борьбе не только против своих буржуазных благочестивых родителей, которые не смогли победить ужаса перед актером и после ее брака, но и против более опасного врага. В то время когда она познакомилась с Фердинандом, у него была известная всему городу связь с не особенно молодой богатой вдовой, которая очень помогала молодому актеру в начале его карьеры и даже несколько раз уплатила его долги. У него, как говорили, не хватало силы характера, чтобы порвать с нею. Тогда Беата задалась романтической целью высвободить любимого человека из недостойных сетей. И словами, которые могут быть внушены лишь сознанием неповторимости такого часа, она потребовала от стареющей возлюбленной Фердинанда, чтобы та расторгла их отношения: они все равно должны были порваться вследствие своей внутренней неправды — но, быть может, порвались бы слишком поздно для блага великого артиста и для искусства. Правда, ей ответили тогда оскорбительно-насмешливым

отказом, от которого она долго страдала, и прошел еще целый год, прежде чем Фердинанд смог окончательно освободиться. Но в том, что именно ее вмешательство привело потом к разрыву, Беата никогда не могла бы усомниться, даже если бы ее муж и не любил весело и гордо рассказывать всем эту историю.

Беата отняла руки от глаз и с внезапным волнением поднялась с дивана. Правда, прошло уже почти двадцать лет после того безумно отважного поступка. Но разве она с тех пор стала другой? Разве в ней не было теперь такого же сознания своей правоты, как тогда, и такой же отваги? Разве она не смогла бы и теперь направить судьбу дорогого ей существа по своему пониманию? Неужели же она будет ждать, чтобы загрязнили и навсегда загубили молодую жизнь ее сына, вместо того чтобы, как и в тот раз, прямо направиться теперь к баронессе? Ведь она тоже женщина и где-нибудь в затаенном уголке души должна понимать, что значит быть матерью. Радуюсь своей мысли точно какому-то просветлению, Беата подошла к окну, открыла ставни и, преисполненная надежды, увидела в расстилавшейся перед нею природе точно привет и благословение. Но она чувствовала, что необходимо было осуществить решение, пока длилась уверенность первого мгновения. И уже не колеблясь более, она прошла к себе в спальню, позвонила горничной и с ее помощью, с особым вниманием занялась своим туалетом. Затем, довольная своим видом, она надела соломенную шляпу с узкой черной лентой на рыжеватые, гладко и высоко зачесанные волосы, выбрала на столике у постели из вазы с тремя розами, срезанными ею утром в саду, самую свежую, заткнула ее за белый кожаный пояс, взяла тонкую длинную горную палку и вышла из дому, чувствуя себя бодро, молодо и уверенно.

Выходя, она увидела у садовой решетки Арбесбахера и его жену. Архитектор, в суконной куртке и кожаных панталонах, только что открыл калитку; на жене его было темное ситцевое с разводами платье, придававшее почти старушечий вид ее хотя и изможденным, но все же молодым чертам.

— Здравствуйте, фрау Гейнгольд! — воскликнул Арбесбахер, снял свою зеленую шляпу с перышком и продолжал держать ее в руке, стоя с непокрытой седой головой. — Мы зашли за вами, — и в ответ на ее удивленный взгляд он прибавил: — Разве вы забыли? Сегодня четверг — карты у директора.

— Ах да, верно, — сказала, вспомнив, Беата.

— А мы только что встретили вашего сынка, — заметила жена архитектора, и на ее увядших чертах мелькнула усталая улыбка.

— Он вон туда направлялся с двумя толстыми книжками, — добавил архитектор и указал на дорожку, поднимающуюся вверх через солнечный луг в лес. — Какой он прилежный у вас!

Беата улыбнулась почти чрезмерно счастливой улыбкой.

— У него ведь через год экзамен на аттестат зрелости, — сказала она.

— Какая вы сегодня опять красавица, фрау Беата! — воскликнула жена архитектора, смиренно выражая свой восторг.

— Как-то еще вам понравится, фрау Беата, — сказал архитектор, — когда у вас вдруг окажется взрослый сын, студент, который начнет кружить головы женщинам и драться на дуэли?

— Ты-то разве дрался на дуэли? — остановила его жена.

— Не на дуэли, а так просто дрался, — случалось. Все равно дело кончалось расшибленными головами.

Они шли по дороге, которая вела над озером к вилле директора банка, Вельпонера.

— Напрасно я пошла с вами, — сказала Беата, — мне, собственно, нужно раньше спуститься вниз... я должна сходить на почту за посылкой, которую отправили из Вены уже неделю тому назад. Она все не приходит. А ее еще послали срочно, — прибавила она с возмущением, точно верила сама тут же придуманной истории.

— Может быть, она придет вот с этим поездом, — сказала жена архитектора и показала вниз, где только что поезд маленькой железной дороги, пыхтя и важничая, вышел из-за скал и направился через луга к стоящему на некотором возвышении вокзалу. Пассажиры высовывали головы из всех окон, и архитектор стал размахивать своей шляпой.

— Что это ты? — спросила его жена.

— Среди пассажиров, наверное, есть какие-нибудь знакомые, и, во всяком случае, нужно быть вежливым.

— Ну так до свидания, — вдруг сказала Беата. — Я, конечно, тоже приду. А пока, пожалуйста, передайте от меня поклон. — Она торопливо попрощалась с ними и повернула назад. Она заметила, что архитектор и его жена остановились и проводили ее глазами до самой виллы, которую Арбесбахер вот уже десять лет тому назад построил для своего друга Фердинанда Гейнгольда. Пройдя мимо дома, Беата повернула на узкую проезжую дорогу, довольно крутую, которая вела мимо простых деревянных домов в местечко. Ей пришлось переждать у перехода через рельсы, так как в эту минуту поезд как раз вышел со станции. Тут только она вспомнила, что совершенно не собиралась идти на почту, а что ей предстоял визит, правда не казавшийся ей теперь столь необходимым, как час тому назад. Ведь сын ее пошел в лес и даже взял с собой две толстые книги!.. Она перешла через рельсы и застала на вокзале обычную суету, которая следует

за прибытием поезда. Два омнибуса из Seehotel'я¹ и Posthof'a², громыхая, проехали со своими пассажирами; другие приезжие шли в сопровождении носильщиков, радостные и возбужденные; шли и туристы, не обремененные багажом. Беата весело смотрела, как целая семья — отец, мать, трое детей, бонна и горничная, с сундуками, саквояжами, зонтиками и палками и еще, кроме того, с маленьким испуганным пинчером, — усаживалась в ландо. Из другой коляски ей поклонились господин с дамой, с которыми она была бегло знакома с прошлого года. В поклоне их чувствовалась вся неудержимая радость людей, приехавших на летний отдых. Молодой человек в легком светло-сером костюме, с новым желтым саквояжем в руке, снял перед Беатой свою соломенную шляпу. Она не узнала его и холодно поклонилась.

— Здравствуйте, фрау Беата, — сказал незнакомец, быстро переложил чемодан из одной руки в другую и протянул неловким движением Беате освободившуюся правую руку.

— Фрицль! — воскликнула Беата, узнав его.

— Ну да, фрау Беата, Фрицль — собственной персоной.

— А знаете ли, ведь я вас совершенно не узнала. Каким вы сделали франтом!

— Ну уж и франтом! — ответил Фрицль и снова переложил чемодан в другую руку. А скажите, разве Гуго не получил моей открытки?

— Вашей открытки? Не знаю, но он мне говорил на днях, что ждет вас.

— Я ведь ему еще в Вене обещал приехать на несколько дней из Ишля. Но вчера я ему еще раз написал, что надеюсь торжественно прибыть сегодня.

— Во всяком случае, он будет очень, очень рад вам. Где же вы остановились, господин Вебер?

— Ради Бога, не называйте меня господином Вебером!

— Так где же, господин Фриц?

— Я отправил свой сундук в Posthof и, как только приведу в порядок свою внешность, позволю себе прийти засвидетельствовать свое почтение на виллу Беата.

— Такой виллы здесь нет.

— А как же зовут виллу, где живет дама с таким прекрасным именем?

— Да у нее нет никакого названия. Просто Eichwiesenweg³, номер седьмой, и больше ничего. Видите, сот она там — дом с маленьким зеленым балконом.

— Воображаю, какой оттуда красивый вид! Ну а теперь я не буду вас больше задерживать. Через час я, надеюсь, застану Гуго?

— Я думаю. Теперь он ушел в лес с книгами.

— С книгами? От этого я его быстро отучу.

— Вот как!

— Мы с ним будем ходить в горы. Знаете, фрау Беата, я недавно был на Дахштейне.

— К сожалению, я этого не знаю, господин Вебер: об этом ничего не писали в газетах.

— Пожалуйста, фрау Беата, не называйте меня господином Вебером.

— Все-таки придется, кажется, называть вас так; ведь я не имею чести быть ни вашей тетей, ни вашей гувернанткой...

— Таковую тетю недурно иметь!

— Вот как, вы уже сделали галантным кавалером — подумать только!

Она искренне рассмеялась: вместо изящного молодого человека она увидела перед собою опять мальчика, которого знала с одиннадцати лет, и его маленькие светлые усы показались ей как бы приклеенными.

— Ну, так до свидания, Фрицль, — сказала она и протянула ему на прощание руку. — Сегодня вечером, за ужином, вы нам расскажете о вашей экскурсии на Дахштейн, хорошо?

Фрицль несколько церемонно поклонился и поцеловал руку фрау Беате, — этому она за последние годы стала покоряться. Наконец он ушел в приподнятом настроении, что видно было по его бодрой походке. «И он друг Гуго, — подумала Беата. — Правда, он немного старше моего сына, года на полтора или на два». Беата вспомнила, что он был прежде классом старше и потом только, оставшись на второй год, сделался товарищем Гуго. Во всяком случае, она радовалась его приезду и тому, что он будет совершать экскурсии с Гуго. Как бы ей хотелось услатить мальчиков сейчас же на неделю или на две в горы! Десять часов ходьбы с мешком за плечами, на ветру, обдувающим лоб, затем ночлег на соломе, а утром, как только встанет солнце, опять в

---

¹ Отель у озера (нем.).

² Почтовый двор (нем.).

³ Дубовая аллея (нем.).

путь, — как это здорово и приятно! Ей бы, в сущности, хотелось самой отправиться с ними, но это едва ли было удобно. Мальчикам гораздо интереснее путешествовать без тетки или гувернантки. Беата слегка вздохнула и провела рукой по лбу.

Она продолжала идти по дороге вдоль озера. С пристани только что отчалил маленький пароход и, весь сверкая, изящно переплывал через озеро на противоположный берег, в Аувинкль, где стояло несколько домиков, спрятанных в тени каштановых и фруктовых деревьев, и где уже начинало темнеть. На трамплине в купальне промелькнула фигура в белом купальном халате. В открытом озере тоже плавало несколько купальщиков. «Как им хорошо!» — подумала с завистью Беата, глядя на воду, с которой до нее доносился прохладный умиротворяющий ветерок. Но она быстро отстранила искушение и непоколебимо продолжала свой путь, пока незаметным образом не очутилась перед виллой, занятой на лето баронессой Фортунатой. На веранде, которая шла вдоль всего фасада, над пестрыми клумбами левкоев, мелькали белые платья. Не отводя глаз, Беата прошла мимо белого забора. К своему стыду, она чувствовала, что сердце ее сильно бьется. До нее донеслись звуки двух женских голосов; Беата ускорила шаги и снова очутилась перед домом. Она решила сначала пройти в деревню, в лавку, где всегда нужно было что-нибудь купить, а в особенности сегодня, когда она ждала гостя к обеду. Через несколько минут она в лавке Антона Мейзенбихлера купила холодный ростбиф, фруктов, сыру и, дав маленькой Лойзль на чай, приказала ей сейчас же отнести покупки на Eichenwicsenweg.

«Что же будет теперь?» — спросила она себя, стоя на церковной площади, против открытых ворот кладбища, и глядя на позолоченный крест, который отливало красноватым блеском при свете заходящего солнца. Следовало ли ей отказаться от своего решения только потому, что сердце ее забилося сильнее, когда она проходила мимо виллы? Она никогда не простила бы себе такой слабости и уверена была, что судьба наказала бы ее. Она поняла, что ей не остается ничего другого, как вернуться назад и без всякого промедления направиться к баронессе. Через несколько минут она очутилась внизу, у берега. Она быстро прошла мимо Seehotel'я, где на высокой длинной террасе приезжие сидели за кофе и за мороженым, затем мимо двух новых больших вилл в модном стиле, ей совершенно ненавистном. Две минуты спустя глаза ее встретились с глазами баронессы, которая лежала на веранде на плетеной кушетке, прикрывшись огромным белым зонтиком с красными горошинками. Против нее, прислонившись к стене, стояла другая дама, с лицом точно из слоновой кости, похожая на статую и одетая в широкие белые одежды. Фортуната только что оживленно говорила и сразу замолкла; черты ее застыли. Но они тотчас же разгладились, и все лицо ее превратилось в сплошную приветливую улыбку; взгляд ее снял сердечностью и радостью. «Негодяйка!» — подумала Беата, несколько возмущенная самой собою, и сразу почувствовала себя во всеоружии. Голос Фортунаты звучал весело.

— Здравствуйте, фрау Гейнгольд!

— Здравствуйте, — ответила Беата, почти не возвышая голоса, точно ей было все равно, услышат ли ее ответ с террасы, или нет.

Но Фортуната крикнула ей:

— Что это, вы намерены принять сегодня солнечную и пыльную ванну, фрау Гейнгольд?

Беата ни минуты не сомневалась в том, что Фортуната сказала это только для того, чтобы начать разговор. Знакомство между ними было, в сущности, очень поверхностное, и шуточный тон Фортунаты был совершенно неуместен. Много лет тому назад Беата познакомилась с молодой актрисой Фортунатой Шен, подругой Фердинанда Гейнгольда по сцене, на театральном празднестве, где среди общего непринужденного веселья они ужинали за одним столом с нею и ее тогдашним любовником и пили шампанское. Затем последовали случайные встречи на улице и в театре, но они никогда не говорили по-настоящему друг с другом хотя бы минуту. Восемь лет тому назад Фортуната ушла со сцены, выйдя замуж за барона, и совершенно исчезла с горизонта Беаты; только несколько недель тому назад они случайно встретились в купальне. После этого первого раза последовали неминуемые встречи на улице, в лесу, в купальне, и они обменивались обыкновенно несколькими словами. Все же Беате было удобно, что баронесса желала начать с нею разговор. Она ответила по возможности непринужденным тоном:

— Солнечную ванну? Да ведь солнце заходит, баронесса, и гораздо приятнее гулять у озера.

Фортуната поднялась, прислонилась своей тонкой красивой фигуркой к перилам балкона и ответила несколько торопливо, что сама она предпочитает гулять в лесу и в особенности ей нравится дорожка, которая ведет в самую глубь леса. «Что за нелепость!» — подумала Беата и вежливо спросила баронессу, почему она в таком случае не поселилась на одной из вилл у окраины леса. Баронесса ответила, что она или, вернее, ее муж наняли эту виллу по газетному объявлению.

— Впрочем, — сказала она, — я во всех отношениях довольна своей виллой. Но не пройдет ли вы сюда, фрау Гейнгольд, — спешно прибавила она, — и не выпьете ли чашку чая вместе со мной и с моей приятельницей?

И, не ожидая ответа, она пошла навстречу Беате, протянула ей свою узкую белую нервную руку и с